

УДК 327.8 (575.2)(04)

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

А.М. Акматалиева

Золотая эра трансатлантического партнерства в 90-е гг. сменилась значительным охлаждением отношений после начала войны в Ираке в 2003г. Стратегия нового атлантизма США, расширение ЕС и НАТО, смена лидерства в США, Великобритании, Франции и Германии, демографические процессы являются основными драйверами развития трансатлантических отношений.

Ключевые слова: атлантизм; новый атлантизм; сфера безопасности; структура безопасности; глобальные вызовы.

Сущность концепции атлантизма. Концепция атлантизма после Второй мировой войны получила широкое развитие в качестве идеологии прочного союза западноевропейских государств и США. Это альянс в военно-политическом, культурно-информационном и экономико-социальном измерениях. Особую прочность и самоидентификацию концепция атлантизма получила во времена холодной войны, благодаря противостоянию мощи СССР и сдерживанию советской экспансии. Это нашло отражение в деятельности структур НАТО. Ставшие классическими идеи Р. Мэхэна, Х. Маккиндера и Н. Спикмена об атлантической мощи получили свое дальнейшее развитие в концепциях атлантизма после холодной войны. При этом некоторые исследователи отмечают, что «американские геополитики порывают с учением Маккиндера о “географической инерции” для того, чтобы определить весь земной шар как сферу безопасности США». «Наблюдается общая тенденция – доказать, что интересы “безопасности” и сохранения “американского образа жизни” требуют мирового господства США»¹. Атлантизм также именуют евроатлантизмом, рассматривая его как идеологию и политику тесного союза и всестороннего сотрудничества США со странами Западной Европы². Данное определение в качестве геополитической доктрины и идеологии наиболее точно отражает сущность трансатлантических отношений.

¹ Тихонравов Ю.В. Геополитика. Атлантизм. http://society.polbu.ru/tihonravov_geopolitics/ch_24_i.html

² См.: Политология: Словарь-справочник http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Dict/01.php

Сущность Атлантизма заключается не только в близости политико-культурных ценностей, торгово-экономических связей, но и в плоскости практической необходимости обороны Европы с помощью американского потенциала, а для США – в получении гарантированных союзников в лице НАТО и ЕС.

“Новый атлантизм” для XXI века. В начале 90-х гг. появилась американская концепция “нового атлантизма”, заключающаяся в идее сохранения НАТО как оборонной структуры и постепенного ее расширения на Восток в ответ на самороспуск ОВД. После исчезновения “общего врага” в лице СССР атлантизм переживает сложный этап самореализации и самоактуализации. “Крушение Советского Союза в 1991 г. не только ознаменовало исторический триумф демократического альянса, но и поставило на повестку дня вопрос о его будущей миссии”³, – отмечает Зб. Бжезинский, сторонник атлантизма. В новых условиях американская концепция “нового атлантизма” становится направленной на дальнейшую консолидацию трансатлантических структур с возможным расширением их миссии, а также включением новых членов, таких, как страны Восточной Европы, Грузия и Украина в существующие институты.

Вместе с тем концепция обозначила общие для Запада задачи, связанные с новыми угрозами такими, как распространение ОМП, обострение религиозной и этнической напряженности и международного терроризма. Де-факто она стала олицетворением нового однополярного мира, в котором границы американской

³ Бжезинский Зб. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. – М., 2005. – С. 55.

безопасности простираются по всей планете, где присутствуют его интересы. США защищают свои интересы присутствием в разных регионах мира – это сеть военных баз по всему миру, от Западной Европы, через Турцию и Грецию, Таиланд, Южную Корею и Японию и далее – в Тихом и Индийском океанах (на острове Сан-Диего, Филиппинах, Гуаме, Карибах и Гаити).

90-е годы считаются “золотой эрой” в развитии институтов трансатлантического партнерства, подкрепленном рядом важных документов. Так, Трансатлантическая декларация (1990) и Новая трансатлантическая повестка дня (1995) позволили ускорить процесс тесного сотрудничества в области обмена информацией, экстрадиции преступников, продвижения демократии и либерализации экономики. Трансатлантизм стал основываться на принципах многосторонней дипломатии – сотрудничество не только на высшем уровне (саммит президента США и президентов Европейской Комиссии и Совета Министров или совещаний конгрессменов и европарламентариев), но и на уровне представителей структур гражданского общества, НПО и заинтересованных групп. Партнерство стало создаваться на принципах реагирования на многие глобальные изменения с позиции мягкой силы и расширения многоаспектного сотрудничества. В Стратегической концепции НАТО (1999 г.) отмечается сохранение угроз военного и невоенного характера и установка на подготовку объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО к ведению двух видов войн – всеобщей и ограниченной. Поскольку понимание безопасности расширилось, НАТО больше не уверен в своей однозначной миссии. Начиная с 90-х гг. он стал больше вовлекаться в оборонную дипломатию, строительство партнерских отношений и региональное расширение далеко за пределы Вашингтонского соглашения, операции по интервенции или стабилизации в так называемых разваливающихся странах¹.

Каждая крупная инициатива НАТО была ответом на действия США и никакие изменения стали невозможны без его участия. Доминирование США в НАТО некоторые авторы расценивают как толчок для развития транс-

атлантических отношений². С другой стороны, европейская интеграция воспринимается порой как конец эпохи атлантизма, поскольку расширение до 27 государств, безусловно, отразится на трансатлантических отношениях не только из-за геополитического веса и населения, но и превосходящего уровня ВВП. Конкурирование евро с долларовой зоной, формирование европейской идентичности, отличной от американской, может стать существенным фактом для растущего разнообразия между союзниками.

Актуальные вопросы. Отношения трансатлантических партнеров нельзя назвать однозначно согласованными и успешными на данный период. Во времена Буша-младшего эти отношения оставались как никогда неоднозначными, особенно после вторжения в Ирак в 2003 г. 12 сентября 2001 г. одна из французских газет провозгласила, что “мы все сейчас американцы”. НАТО в соответствии со статьей 5 своей хартии воспринял эту угрозу как общую для всех членов альянса³. Война в Ираке вызвала противоположную реакцию европейских лидеров. Если США считает, что военная безопасность является условием для развития и стабильности, европейцы уверены, что это – не единственный фактор обеспечения безопасности. Вместе с тем, сегодня, как отмечает Дж. Рубин, “США не хватает конкретной европейской поддержки по существенным вопросам”⁴. Это касается не только вопросов видения безопасности, но и проблем, связанных с охраной окружающей среды, экстрадицией преступников. Мощь США не так абсолютна, как утверждают это неоконцы, в эпоху однополярности Штаты применяли военную силу по отношению к таким малым странам, как Гренада и Панама, либо против слабых государств, таких, как Сербия, Афганистан или Ирак⁵.

Многие государства, в том числе европейские, выступают за реформирование ООН и ОБСЕ, за усиление позиций международных институтов при решении вопросов мира и войны. Осознавая все недостатки действующих гло-

¹ См.: Ellner, Andrea. Regional Security in a Global Context: A Critical Appraisal of European Approaches to Security. European security. – 2008. – Vol. 17. – No.1. – P. 10.

² См.: Webber, Mark. NATO: The United States, Transformation and the War in Afghanistan. BJIPIR. – 2009. – Vol. 11, 46–63, P.50.

³ См.: <http://www.nato.int/docu/basic/txt/treaty.htm>

⁴ Rubin P. James. Building a New Atlantic Alliance. Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87. – № 4. July–August. – P. 99–109.

⁵ См.: Calleo D. Power, wealth and wisdom. The National Interest. 72. – 2003 – P. 5–15.

бальных организаций, необходимо подчеркнуть, что пока других эффективных механизмов предотвращения конфликтов или восстановления постконфликтных регионов просто нет.

Война в Ираке, по признанию большинства западных исследователей, разделила не только стратегические интересы США и ЕС, но и интересы внутри региона ЕС¹ как из-за слабости трансатлантических институтов, предопределивших такой политический раскол², так и нежелания США считаться с мнением Европы, что в итоге привело к открытому недовольству Парижа и Берлина. Непоследовательная политика США в войне в Ираке привела к “отчуждению” европейских союзников³. Р.Каган в 2003–2004 гг. в связи с этим отмечал, “...это время, когда надо перестать притворяться, что американцы и европейцы имеют общее видение мира. По главным стратегическим и международным вопросам они будто из разных планет, американцы из Марса, а европейцы из Венеры: они согласны в немногом и понимают друг друга все меньше и меньше. В вопросах определения национальных приоритетов, определения угроз, изменений, разработки и претворения в жизнь международной и оборонной политики США и Европа имеют разные подходы”⁴.

В 2003 г. Европа опубликовала свою первую Стратегию по безопасности и Стратегию против распространения ОМП. Главный акцент был сделан на политике “эффективной многовекторности”. Обозначалось намерение универсализации прав человека и их поддержки посредством “эффективной многовекторности”, следование принятым нормам и соглашениям в рамках международных институтов и организаций, таких, как ООН. В стратегиях безопасности США (2002) и ЕС (2003) есть существенные отличия в подходах к вопросам глобального управления. Так, у европейцев это многопо-

лярность вместо однополярности, прагматизм вместо идеологии, причины вместо симптомов, дипломатия вместо военной силы, долгосрочная стратегия вместо краткосрочной стратегии, известное вместо неизвестного и предупреждение вместо риска являются приоритетными⁵. Взгляд европейцев направлен внутрь, они мыслят регионально, а не глобально⁶.

Главный вопрос, по которому США и европейские союзники расходятся, – это проблема окружающей среды. Экологическая безопасность или угроза, возникающая в результате изменения климата, были впервые обозначены в 2003 г. ЕС как “фактор, умножающий опасность”. За присоединение США к общему диалогу по глобальным проблемам окружающей среды активно выступает Германия. Копенгагенская встреча партнеров (2009) могла стать исторически значимой, если США согласились бы поддержать европейских коллег.

Одним из важных отличий между союзниками является существование смертной казни в США и ее отсутствие в Европе. Однако около 60% населения как в Европе, так и в США поддерживают смертную казнь. Вопросы об экстрадиции, воздушной безопасности, визовой политике стали первостепенными на повестке дня⁷.

Процесс принятия решений остается сложным и неоднозначным по обеим сторонам Атлантики из-за институциональных противоречий между Пентагоном и Белым Домом в США и между Европейской Комиссией, Советом Европы и Европарламентом в Европе. Тем не менее, не стоит забывать, что несмотря на дефицит институционального развития, США и ЕС остаются главными союзниками⁸. США, как считают некоторые авторы, является своего рода регулятором интеграционных процессов ЕС, так как Америка считает ЕС единственным

¹ См.: *Peterson John*. Europe, America, Iraq: Worst ever and ever-worsening? *The European Union: Annual Review*. – 2004–2005. – Vol. 42. – № 6. – P. 13–40.

² См.: *Serfaty S*. The Vital Partnership: Power and Order: America and Europe Beyond Iraq. Lanham, MD and Oxford: Rowman & Littlefield. – 2005.

³ См.: *Talbot J*. Brent. The Transatlantic Gap over Iraq. *European security*. – 2008. – Vol. 17. – №1. – P. 61.

⁴ *Kagan, R*. Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. New York Times, 2003.

⁵ См.: *Howorth J*. (2006). The Us National Strategy: European reactions, in R. Daunnreuther and J. Peterson (eds), *Security Strategy and Transatlantic Relations* (London, Routledge). – P. 30 – 44.

⁶ См.: *Dunn, H. David*. Assessing the Debate, Assessing the Damage: Transatlantic Relations after Bush. *BJPIR*. – 2009 – Vol. 11. – P. 16.

⁷ *Rees, Wyn*. Securing the Homelands: Transatlantic Co-operation after Bush. *BJPIR*. – Vol. 11. – 2009. – P. 110.

⁸ *Peterson, John and Rebecca Steffenson*. Transatlantic Institutions: Can Partnership be Engineered? *BJPIR*. – Vol. 11. – 2009. – P. 25–45.

игроком на международной арене¹. Институциональные механизмы Брюсселя-ЕС являются лишь одним из каналов передачи информации, но он приобретает все большее значение. Необходимо отметить и тот факт, что сторонников атлантизма так же много, как и скептиков трансатлантического партнерства.

Одним из механизмов улучшения и развития трансатлантических отношений считается личностный фактор: смена лидеров государств. Война в Ираке, ставшая водоразделом в трансатлантических отношениях, и конкретно политика администрации Дж. Буша-младшего должны смениться мягким подходом Б. Обамы и дальнейшим расширением политики нового атлантизма, дипломатией признания и убеждения. Поскольку, по справедливому признанию Д. Махнке, отношения между США, Францией, Германией определяют сущность трансатлантического партнерства², то и от руководства этих стран зависит будущее атлантизма. На взгляд автора, отношения улучшатся с приходом новой администрации в Вашингтоне при сохранении самостоятельных позиций Германии и Франции. Как отмечала Ангела Меркель, Германия пытается выстроить “конструктивное вовлечение”, а это предполагает игру рациональных акторов.

Одним из существенных факторов возможного размежевания трансатлантических союзников в долгосрочной перспективе можно назвать демографический фактор. После холодной войны, как считает Д. Данн, изменения в демографической карте США и Европы, разные политические ценности между союзниками, смена лидеров и потенциал стран, послевоенная геополитическая перегруппировка стран, европейская интеграция, американский унилатеризм и исключительность стали основными факторами, приводящими к изменениям в трансатлантических отношениях. Д. Данн считает, что одним из определяющих изменений в трансатлантических отношениях является формирование “отдельной европейской и американской идентичности”³. Это происходит за

счет демографических изменений в обоих континентах. Так, наблюдаются существенные изменения в демографической ситуации в США: с 1950 г. по 1990 г. сократилась численность населения северо-западных штатов (на 28% – в Бостоне, 25% – в Чикаго, 44% в – Детройте, 45% – в Кливленде). В это же время увеличился приток мигрантов в юго-восточные штаты.

Прогнозируется, что с 1990 по 2025 гг. общая численность населения США увеличится с 272.2 до 335 млн человек, или на 23% (с учетом среднего увеличения количества иммигрантов на 820 тыс. в год)¹. На сегодняшний день 72% населения составляют белые, пропорции сократятся к 2025 г., когда состав населения будет выглядеть примерно так: испаноязычные – 17.6%, черные – 13%, азиаты – 6.2% и 0,8% американские индейцы. К 2042 г. США больше не будет иметь доминирующего белого большинства². К. Кукер также утверждает, что в результате изменения демографической ситуации, учитывая уменьшающееся количество европейцев среди американцев, США изменит свою политику по отношению к Европе³. Однако преувеличивать значение демографического фактора, не стоит. Определяющее значение для политических предпочтений граждан имеют культурная ассимиляция и политика мягкой силы.

Будущие перспективы. П. Кеннеди предвещает три сценария для трансатлантических отношений: неуклонное ухудшение отношений между США и Европой; “реставрация”, возвращение к традиционному трансатлантическому партнерству после периода ссор и разногласий и последний сценарий – взаимное дополнение друг друга в решении насущных проблем развития⁴.

Скорее всего, трансатлантические партнеры будут руководствоваться рациональными интересами и стратегическими потребностями, стремиться к взаимному сотрудничеству и партнерству по многим аспектам международной и трансатлантической безопасности. Во-первых, существующий опыт взаимодействия обеспечивает удовлетворение взаимных интересов. Во-вторых, только в условиях сохранения трансатлантического союза можно будет противостоять появлению новых центров силы на Тихоокеанском или Индийском океанах.

Assessing the Damage: Transatlantic Relations after Bush. BJPIR. – 2009. – Vol. 11. – P. 4.

¹ См.: Peterson, John and Rebecca Steffenson. Transatlantic Institutions: Can Partnership be Engineered? BJPIR. – Vol. 11. – 2009. – P. 26.

² См.: Mahncke, Dieter. The United States, Germany and France: Balancing Transatlantic Relations. BJPIR. – 2009. – Vol. 11. – P. 79–93.

³ Dunn, H. David. Assessing the Debate,